

© 2003 г.

В.О. РУКАВИШНИКОВ

КАЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

*РУКАВИШНИКОВ Владимир Олегович - доктор философских наук, заведующий
отделом Института социально-политических исследований РАН.*

Двадцатый век закончился знаменательным результатом - впервые в истории человечества большинство стран мира стали называть себя демократиями. С начала 70-х годов количество стран с "представительной демократией" более чем утроилось. Говоря об этом, уместно вспомнить, что суммарное число демократий в конце 80-х - начале 90-х годов резко подпрыгнуло вверх - сразу почти на 20% - в связи с коллапсом коммунистических режимов, распадом СССР, СФРЮ и Чехословакии. В последующие годы темп прироста числа демократий в мире заметно упал, и в настоящее время близок к нулю. На этом основании делается вывод, что к началу XXI в., кажется, окончательно затухла "третья волна" глобальной демократизации, которая, по мнению некоторых политологов [1], началась в 1974 г. с революции "красных гвоздик" в Португалии (свержение фашистского режима Салазара)¹.

В докладе Программы развития ООН (ПРООН - UNDP) "Углубление демократии в фрагментированном мире" (июль 2002) [4] отмечается, что, несмотря на то, что за последние 20 лет XX в. всеобщие выборы прошли в 140 странах (а это больше, чем за любой другой период истории человечества), только 80 из них - с 55% населения мира - могут быть причислены к странам с демократическим строем в полном смысле этого слова. За тот же двадцатилетний период времени демократию провозгласила 81 страна, однако только 47 из них, по мнению экспертов ПРООН, отвечают ее принципам. Более того, в ряде стран, ранее причислявшихся к разряду демократических, произошли перемены, которые иначе как регрессией назвать нельзя. В качестве наиболее ярких примеров стран, вернувшихся к авторитаризму, в упоминавшемся выше докладе названы Демократическая Республика Конго и Сьерра-Леоне. Отмечается также, что в Бирме и Пакистане вновь установились режимы, возглавляемые военными. В "нелиберальные" демократии превратились Зимбабве и Киргизия. А такие страны, как Афганистан и Сомали, и вовсе стали пристанищем "мирового терроризма".

Если же взглянуть пристальнее на произошедшие перемены и сопоставить страны, номинально ставшие демократическими, с общепринятыми теоретическими стандартами "либеральной демократии", к которым, несомненно, относятся разнообразные политические и гражданские свободы граждан и образованных ими ассоциаций, политический плюрализм и свободные выборы, подчинение военных гражданским властям и демократический контроль над вооруженными силами, светское, а не религиозное право, развитая система разделения властей и подотчетности органов исполнительной и законодательной власти, то окажется, что положение дел с демократией в

мире не слишком сильно изменилось к лучшему, по крайней мере, если судить по доле либеральных демократий среди стран мира по сравнению с 1991 г.

Возникновение псевдодемократий и регрессивные перемены, произошедшие в ряде государств мира, заставляют задуматься над тем, правомерно ли считать, что страны, казалось бы вступившие на путь построения демократий западного типа и рыночных реформ около десяти лет назад, могут и далее именоваться "переходными"². Нам представляется, что в настоящее время правомерно говорить о том, что в большинстве посткоммунистических центрально- и восточноевропейских стран (за исключением некоторых балканских стран), России и прибалтийских республиках переходный период практически завершен.

Увеличение количества номинально демократических стран в мире выдвигает на первый план вопрос о качестве демократии. В нашем сравнительном анализе качества российской демократии, кроме докладов ПРООН за 2002 и предшествующие годы, использованы отчеты организации *Фридом Хаус* (Freedom House) за 1991-2002 гг., данные глобального опроса, проведенного под эгидой институтов Гэллага в канун наступления нового тысячелетия (The 1999 Gallup International's Millennium Survey), репрезентативных общенациональных опросов 1999-2000 гг., проведенных в рамках *Нового Европейского барометра* (New European Barometer [6]) и сравнительного исследования политических культур Восточной и Центральной Европы, реализованного австрийскими учеными (FESSEL-GFK, Politischer Kulturwandel in Ost-Mitteleuropa [7]). Для уточнения специфики посткоммунистической политической культуры (в узком смысле слова - как системы установок, ориентаций и ценностей) привлечены данные специализированных опросов, проведенных по заказу фонда Карнеги в Российской Федерации в преддверии парламентских и президентских выборов 1999-2000 гг. [8], данные опросов РОМИР и результаты опросов, проведенных Афробарометром (Afrobarameter) в некоторых странах этого континента в это же время [9].

Диагноз: "частично свободная" страна

При классификации стран мира по уровню демократизации выделяют три группы: а) страны с ограниченным прогрессом демократизации; б) страны, достигшие определенных успехов в процессе демократической консолидации; в) страны, приблизившиеся к западноевропейской и/или американской модели либеральной демократии. Например, профессор З. Бжезинский, известный американский политолог и государственный деятель, разделил постсоветские государства на три сорта по уровню демократизации. К первой категории он отнес "наиболее продвинутые страны, явно находящиеся на пути к тому, чтобы стать стабильными и надежными демократиями" [10, р. 22]. Это три прибалтийские республики - Латвия, Литва и Эстония. Бжезинский полагает, что названные страны принадлежат к другому "политическому контексту", нежели остальные бывшие советские республики, прежде всего потому, что фундаментально отличаются от последних важнейшими элементами культуры и истории. Ко второй категории причислены девять "недемократических" стран, где "демократия присутствует лишь номинально или как лозунг, с которым местные правители вынуждены примириться из-за экономической и финансовой зависимости от Запада и чувствительности последнего к данному моменту" (там же). Это пять среднеазиатских государств (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, и Киргизстан) плюс Азербайджан, Армения, Молдова и Беларусь. К третьей категории отнесены Россия, Украина и Грузия - "нестабильные авторитарные и все еще полуанархические политические системы, в которых демократические институты на одних уровнях действуют, а на других отсутствуют" (там же). Эта группа занимает промежуточное положение между двумя выше названными.

Организация "Фридом Хаус", ведущая мониторинг положения дел с соблюдением прав человека и состоянием демократии в мире на протяжении многих лет, в еже-

Таблица 1

Динамика рейтингов некоторых европейских стран на шкалах политических прав и гражданских свобод в 1991-2002 гг. (по оценкам организации "Фридом Хаус"; максимальная свобода = 1, минимальная свобода = 7)

Страны	Политические права				Гражданские свободы				Рейтинг свободы*
	1991	1996	1999	2001-02	1991	1996	1999	2001-02	
Европейские члены СНГ									
Россия	3	3	4	5	3	4	5	5	II
Украина	3	3	3	4	3	4	4	4	II
Беларусь	4	6	6	6	4	6	6	6	III
Молдова	5	3	2	2	4	4	4	4	II
Грузия	6	4	3	4	5	4	4	4	II
Армения	5	5	4	4	5	4	4	4	II
Азербайджан	5	6	6	6	5	5	4	5	II
Страны Балтии									
Латвия	2	2	1	1	3	2	2	2	I
Литва	2	1	2	1	3	1	2	2	I
Эстония	2	1	1	1	3	2	2	2	I
Страны Центральной и Восточной Европы и Балканские государства									
Чехия	2	1	1	1	2	2	2	2	I
Венгрия	2	1	1	1	2	2	2	2	I
Польша	2	1	1	1	2	2	2	2	I
Словакия	2	2	1	1	2	4	2	2	I
Болгария	2	2	2	1	3	3	3	3	I
Румыния	5	2	2	2	5	3	2	2	I
Словения	2	1	1	1	3	2	2	2	I
Македония	3	4	3	4	4	3	3	4	II
Босния-Герцеговина	6	5	5	5	6	5	5	4	II
Югославия (Сербия и Монтенегро)	6	6	5	3	5	6	5	3	II

* В последнем столбце I - свободная страна, II - частично свободная, III - несвободная. Данные за 1991—92 гг. по Чехии и Словакии основаны на оценках Чехословакии; для Боснии-Герцеговины и Македонии использованы данные за 1992 и 1993 гг.

Источник: Freedom House Annual Survey of Freedom Country Ratings, 1972-1973 to 1999-2000; The 2001-2002 Freedom House Survey of Freedom. Tables and Ratings. Dowley & Silver, 2002. P. 508.

годных отчетах выделяет три категории стран: "свободные", "частично свободные" и "несвободные". Классификация производится на основе "рейтинга свободы" страны, выводимого на основе двух индикаторов демократизации - рейтингов страны на шкалах политических прав и гражданских свобод (наибольшее значение рейтинга - 7 указывает на практическое отсутствие данных прав и/или свобод у граждан, а наименьшее значение - 1 - на их наличие). В табл. 1 показана динамика рейтингов политических прав и гражданских свобод для ряда посткоммунистических стран, включая Россию, за последнее десятилетие. В качестве общей тенденции можно указать на последовательное *улучшение* качества демократии в большинстве приведенных в таблице стран, *за исключением* России, Беларуси и некоторых других стран СНГ.

На экспертов Фридом Хауса и западную общественность в целом весьма негативное впечатление произвели скандалы, формально связанные с переделом собственности на российском медиа-рынке (вокруг НТВ и ТВ-6, Гусинского и Березовского).

Учитывалось и то, что в Чечне из года в год продолжается контртеррористическая операция, точнее идет война, на которой граждане России в форме солдат федеральных войск сражаются против граждан России, находящихся в отрядах сепаратистов, а права мирных жителей систематически нарушаются. Все это не могло не сказаться на российском рейтинге политических свобод. Россия в отчете 2001-2002 гг., как и ранее в 90-е годы, отнесена к группе "частично свободных" стран (заметим, что в 1999 г. к этой же категории причислялась и Белоруссия, которая в последнем отчете была включена в группу "несвободных" стран). Однако по данным табл. 1 можно сделать вывод, что, по мнению экспертов Фридом Хаус, в последние годы качество демократии в России ухудшается.

Указанные выше классификации "переходных" стран используются для формирования мирового общественного мнения в отношении той или иной страны или правящего в ней режима, а в некоторых странах и при выработке курса внешней политики или решении геополитического уравнения - "с кем и против кого дружить". Несомненно, что деление стран на "свободных", "не очень свободных" и "несвободных" определенным образом идеологически окрашено и имеет конъюнктурный, а порой и откровенно предвзятый, характер. В пользу последнего утверждения говорят высокие оценки состояния политических и гражданских свобод, например, в "свободной" Латвии, где, как известно, на протяжении последнего десятилетия русское и русскоязычное меньшинство ("неграждане") было фактически исключено из политической жизни страны. Данное обстоятельство попросту игнорировалось экспертами "Фридом Хаус".

Частично свободная страна - это оценка качества современной российской демократии. Она разделяется большинством зарубежных и отечественных исследователей и политиков. Однако на этом основании делаются различные прогнозы о перспективах российской демократии. Говоря о нашей стране, З. Бжезинский подчеркивает: "Многое из того, что мы хотели бы называть российской демократией, возникло не в результате установления институционализированной и правовой системы, а, скорее, как следствие коллапса (советского) государства и незавершенной анархической борьбы за власть, влияние и информацию, порожденной крушением государства". По мнению американского профессора, "при отсутствии необходимых культурных и исторических оснований страна не может просто так принять парламентскую систему и заставить ее работать. И именно это мы видим в России" [10, р. 24]. Поэтому "через десятилетие или два мы можем стать свидетелями превращения России в некое подобие авторитарной демократии, напоминающей, скажем, Германию до 1914 г." [там же, р. 23].

Британский профессор А. Браун также полагает, что В.В. Путин унаследовал некий "гибрид - смесь тирании, клептократии и демократии", "некорректную и перекошенную политическую систему, а не демократию" [11, р. 37, 39; 12]. По его мнению, "западные политики, называвшие ельцинский режим демократическим, в действительности были более заинтересованы в стабильности и капитализме (пусть извращенном), нежели в демократии" [11, р. 37]. Ответ на вопрос, станет ли Россия более авторитарной или более демократической страной в краткосрочной перспективе, убежден он, в значительной степени зависит от нынешнего выбора, сделанного новой и более молодой российской политической элитой. Но поскольку "люди уже начали привыкать к политическим свободам, то в долгосрочной перспективе маловероятно, что ими можно будет манипулировать таким же образом, как это было на протяжении большей части советского периода или даже прошлого десятилетия" [там же, р. 41].

На Западе не остались незамеченными высказывания некоторых наблюдателей о том, что в стране начинает складываться культ личности Путина, а также заявления руководителей КПРФ и партии "Яблоко", которые, будучи идейными противниками по отношению друг к другу, жестко критикуют нынешний режим. Г. Явлинский не устает говорить о создании Путиным "бюрократического полицейского государства", "управляемой демократии", "корпоративной криминально-олигархической системы" [13], а Г. Зюганов без конца твердит об "антинародном правящем режиме" и даже о движении к "либеральному фашизму".

Получается, что зарубежные аналитики и руководители двух столь различных российских парламентских фракций признают возможность сдвига в сторону авторитаризма. Разумеется, критику Путина со стороны Зюганова и Явлинского легко списать на предвыборную борьбу. Но, на наш взгляд, это было бы слишком поверхностным и, по сути, ошибочным объяснением. Тенденция к "управляемой демократии", в которой демократические институты обслуживают бюрократию, выполняют волю президента или правящей клики, наметилась еще в годы правления первого российского президента Б.Н. Ельцина. Поэтому неудивительно, что на Западе постсоветскую Россию продолжают именовать "квазидемократией".

Бесспорно, за последнее десятилетие постсоветская Россия добилась определенных успехов в демократизации. Имеются в виду в первую очередь институциональные и структурные перемены в политической системе. Что же касается изменений в стиле и методах управления, в структуре установок и ценностных ориентаций массы и элит - трансформации политической культуры в целом, то перемены, произошедшие в этой области за последнее десятилетие, многими оцениваются неоднозначно. Поэтому процесс политической модернизации, на наш взгляд, нельзя считать завершенным.

Как демократия "работает", так к ней массы и относятся

Консолидация демократии - это длительный процесс, на протяжении которого происходят и накапливаются названные выше изменения. Поэтому о качестве демократии и успешности демократизации в той или иной стране надлежит судить не только по формальным критериям, оценивая произошедшие институциональные перемены, но и изучая, как граждане относятся к идее демократии, политической системе страны, партиям, выборам и т.д. Принято считать, что оценки работы демократии в конкретном обществе детерминированы многими обстоятельствами: характером режима и тем реальным влиянием, которое оказывают демократические институты, политические партии и негосударственные организации на политику, а также динамикой уровня и качества жизни населения, уровнем социальной защищенности трудящихся, масштабами коррупции и иных форм преступности, реальным обеспечением прав и свобод граждан и их защиты от криминала и государства, и т.д. Влияние названных факторов проявляется как на личностном, так и на агрегированном уровне, в структуре коллективного общественного мнения, регистрируемого опросами.

Политический выбор, сделанный элитой в конце 80-х - начале 90-х, предопределил условия жизни людей на Востоке Европы на многие годы вперед. Разочарование в итогах экономических реформ, не приведших к быстрому и заметному улучшению жизни народных масс, проявилось в известном дистанцировании граждан от политики реформаторов, отчуждении от власти, государства. Не только в постсоветских государствах, но и в посткоммунистической части Европы граждане весьма скептически оценивают новые демократические режимы. По данным *Нового Европейского Барометра*, на рубеже XXI в. 33% респондентов заявили, что нынешние власти обращаются со своими гражданами менее справедливо, чем при коммунистах. 40% уверены, что между прежней и нынешней властью в данном измерении нет никакой разницы и с ними обращаются столь же несправедливо, как и прежде. И лишь 27% полагают, что справедливости стало чуть больше [6].

По данным всемирного гэллаповского опроса, проведенного в 1999 г., менее двух третей из 50 000 респондентов в 60 странах мира на вопрос "Считаете ли Вы, что Ваша страна управляется в соответствии с волей народа?" ответили утвердительно, и лишь один из десяти сказал, что правительство его страны отвечает воле народа. Как отмечается в докладе ПР ООН (2002), где приведены эти цифры, "даже в странах с устойчивой демократической системой граждане часто ощущают себя беспомощными, не способными повлиять на курс национальной политики. Они и их правительства

также чувствуют себя подчиненными международным силам, которыми они не в состоянии управлять" [4, p. 1].

Из сказанного выше не следует спешить сделать вывод, что население посткоммунистических стран разочаровалось в демократии. В целом по шестнадцати странам, где были проведены опросы *Нового Европейского Барометра*, около половины (47%) граждан позитивно оценивают демократию как форму правления, и еще 10% - нейтрально [6]. При преобладании в балансе позитивно-нейтральных оценок доля негативно-скептических оценок демократии в посткоммунистических странах достаточно высока (43%).

Для уточнения картины отношения к демократии и удовлетворенности демократией как системой народовластия обратимся к данным опросов, проведенных в рамках проекта австрийских ученых по сравнительному изучению политических культур [7]. В 1999 г. самая большая доля неудовлетворенных демократией была в России - 75%, за ней следовала Украина - 70%. В восточноевропейских странах этот показатель был значительно ниже: в Польше - 38%, Венгрии - 41, Чехии - 44, Словакии - 46, Болгарии - 46, Румынии - 56. Более того, в этом измерении Россия (как и, наверное, Украина, и все остальные страны СНГ) уступала не только странам Европы или Северной Америки, но даже многим странам Черной Африки [9]. Тогда как Чехия, Словакия и Польша по уровню политической удовлетворенности заметно не отличались от Австрии середины 90-х [7, p. 20]. Заметим, в конце 90-х годов Восточная и Центральная Европа по невысокому уровню недовольства демократией была похожа на страны Южной Европы в первые годы после освобождения от авторитарных фашистских режимов, то есть в период первой фазы демократической консолидации.

Возникает естественный вопрос, чем обусловлено столь резкое отличие России от других стран и прежде всего центрально- и восточноевропейских обществ по показателю удовлетворенности демократией? Тем более, что большинство россиян *позитивно* относятся к демократии *как идее*. В апреле 2000 г., по данным РОМИР, с тезисом, что "демократическая система, несмотря на определенные проблемы, является лучшей системой государственного управления", были согласны 48% респондентов ("полностью" - только 9,1 и "согласны" 38,7%). 28% были не согласны с тем, что демократия является лучшей системой правления (в том числе "полностью не согласны" - 4,2%; затруднились с ответом 24,3% опрошенных)⁴.

Причиной такого отличия может быть то, что большинство российских граждан не считает, что установившаяся в стране политическая система является *подлинной* демократией. По данным опросов, проведенных по заказу американцев в канун последних парламентских и президентских выборов, выяснилось, что в России лишь незначительное меньшинство - 16% респондентов считает (полностью или частично), что существующая в стране политическая система является демократией, тогда как более половины (52%) респондентов не разделяло это мнение [8, p. 4]. По данным австрийского проекта, в 1999 г. доля удовлетворенных демократической политической системой страны в целом ("полностью" и "частично") составила: в России - 24%, на Украине - 29, тогда как в Польше - 61, Венгрии - 59, Чехии - 55, Словакии - 53, Болгарии - 53, Румынии - 44 [7].

Высокий уровень благосостояния населения, несомненно, является одной из основных причин благосклонного отношения граждан к демократической системе. Но, к сожалению, выявленные в 1999-2000 гг. межстрановые различия нельзя объяснить, исходя только из отличий в нынешнем уровне жизни и динамике социально-экономической ситуации в последнее десятилетие (табл. 2). Действительно, в тех посткоммунистических странах, где к началу XXI в. уровень жизни приблизился к европейским стандартам, доля респондентов, высказавших удовлетворение демократией как формой правления, больше, чем там, где прогресс в экономике и благосостоянии населения менее заметен. Однако хотя в Болгарии или Румынии за последние десять лет уровень благосостояния ощутимо не вырос (в т.ч. по сравнению с нашей страной), в этих странах заметно больше сторонников демократии, чем в России. Следовательно, про-

**Важнейшие индикаторы социального и экономического развития России
и других посткоммунистических стран (1992–2002 гг.)**

Страны	ВВП на душу населения с учетом ППС (US\$)		Ранг по индексу человеческого развития (HDI rank)		Население ниже уровня бедности (%)			Категория страны по индексу свободы "Фридом Хауса"
	1992 г.	2000 г.	1992 г.	2000 г.	Ниже 50% от медианы распределения по доходу, 1987–98 ^а , в гг.	Ниже уровня душевого дохода, равного 11 долларам США в день с учетом ППС, 1994–2000 ^б , в гг.	Ниже уровня душевого дохода, равного 4 долларам США в день, 1996–2000 ^б , в гг.	
Европейские члены СНГ								
Россия	6,140	8,377	52	60	20,1	-	53	II
Украина	5,010	3,816	54	80	-	-	25	II
Беларусь	6,440	7,544	42	56	-	-	-	III
Молдова	3,670	2,109	81	105	-	-	82	II
Грузия	2,300	2,664	92	81	-	-	-	II
Армения	2,420	2,559	90	76	-	-	-	II
Азербайджан	2,550	2,936	99	88	-	-	-	II
Страны Балтии								
Латвия	6,060	7,045	48	53	-	-	28	I
Литва	3,700	7,106	71	49	-	-	17	I
Эстония	6,690	10,066	43	41	-	-	18	I
Страны Центральной и Восточной Европы								
Чехия	7,690	13,991	38	33	4,9	-	<1	I
Венгрия	6,580	12,416	50	35	10,1	-	<1	I
Польша	4,830	9,051	51	37	11,6	-	10	I
Словакия	6,690	11,243	40	36	2,1	-	8	I
Болгария	4,250	5,710	65	61	-	-	22	I
Румыния	2,840	6,423	98	63	-	-	23	I
Словения	-	17,367	-	29	-	-	<1	I
Македония	-	5,086	-	65	-	-	-	II
Для сравнения								
Норвегия	18,580	29,918	7	1	6,9	4,3	-	I
США	23,760	34,142	2	6	16,9	13,6	-	I

Источник: [4, p. 149-156, 160-161].

Примечание: ^а - Черта бедности измеряется как 50% от эквивалентного реального медианного денежного дохода домохозяйства; ^б - равна черте бедности США или 11 долларам (в ценах 1994 г. с учетом ППС) в день на человека для семьи из трех человек; ^в - доступные данные, относящиеся к самому близкому к настоящему времени году из указанного периода. ППС - паритет покупательной способности национальной денежной единицы по отношению к доллару США. ^г: I - свободная страна; II - частично свободная; III - несвободная.

стейшее "вульгарно-материалистическое" объяснение в данном случае является или irrelevantным, или, как минимум, неполным^б.

Среднестатистический гражданин в посткоммунистических странах, если судить по самооценкам респондентов *Нового Европейского Барометра*, стал чувствовать себя более свободным, чем прежде, при коммунистическом режиме^г. Можно предположить,

что одной из дополнительных причин выявленных выше межстрановых различий в каждом конкретном случае являются различия в субъективном восприятии свободы жизни в стране. Кстати, упоминавшиеся выше Румыния и Болгария по классификации Фридом Хаус отнесены к "свободным странам". В "частично свободной" России с крайне невысоким уровнем удовлетворенности демократией об ощущении большей, чем прежде, свободы для граждан заявили четверо из каждых пяти опрошенных (81%), в "несвободной" Белоруссии - более двух третей (69%).

Демократия и бедность

Почти две трети (62%) жителей 16 стран Центральной и Восточной Европы и СНГ - респондентов *Нового Европейского барометра* в 1999-2000 гг., заявили, что в материальном плане они стали жить хуже, чем десять лет назад [6]. А это значит, что для значительной части населения бывших социалистических стран вместе с демократизацией общественной жизни и капитализмом пришла устойчивая бедность, если не нищета⁸.

По данным Всемирного Банка, в Восточной Европе и Средней Азии число людей, живших на менее чем 1 долл. США в день, составляло в 1990 г. 7 миллионов или 1,6% населения, а в 1999 г. - 17 миллионов или 3,6% [4]. Иначе говоря, после коллапса коммунизма число людей, живущих в нищете, заметно выросло. Между тем, за последнее десятилетие XX в., несмотря на продолжающийся быстрыми темпами рост населения планеты, произошло некоторое снижение масштабов абсолютной бедности - уменьшение числа очень бедных людей как в относительном, так и в абсолютном исчислении. Если в мире в целом в 1990 г. число людей, живших на менее чем 1 долл. США в день, составляло 1 276 миллионов человек или 28,1% населения, то в 1999 г. - 1 151 миллионов или 22,7% [4, р. 18, табл. 1,2]. Таким образом, произошедший в переходный период в посткоммунистических странах рост крайней бедности не соответствует глобальной тенденции.

Душевой доход в один доллар - это порог бедности, используемый Мировым Банком для международных сравнений. Доход в два доллара в день - это черта бедности, применяемая в Латинской Америке и странах Карибского бассейна. Для сравнения уровней бедности в развитых индустриальных странах в середине 90-х ООН использовала порог бедности, эквивалентный 14,40 долларам в день на человека по ППС (паритету покупательной способности) в ценах 1985 г. Для бывших восточноевропейских социалистических стран и государств СНГ черта бедности в это же время была определена ООН как среднедушевой доход, не превышающий 4 долларов США в сутки (по ППП 1990 г. [15 р. 13]). Соответственно, если в конце 80-х годов за названной чертой там проживало чуть более 10 млн. человек, то в середине-конце 90-х уже примерно в двенадцать раз больше, более трети населения [15 р. 3]. Эти страны - единственный регион на планете (за исключением зоны Африканской Сахары), где в 90-х годах произошло снижение среднего дохода на душу населения.

В России в 2002 г. черта бедности в 4 доллара была эквивалентна денежному доходу на члена семьи чуть меньшему 4000 руб./месяц, и, даже по официальным данным, более половины населения страны не имело дохода, превышающего ее (табл. 2)¹⁰. В Минэкономразвития считают, что в самом ближайшем будущем жизнь рядовых россиян станет лучше. Реальные доходы граждан к 2005 г. должны вырасти на 56-61% по сравнению с 2001, а уровень прожиточного минимума будет равен 2,5 тыс. руб./месяц¹¹. Это примерно соответствует 2-2,5 долларам в день, что заметно ниже, чем четырехдолларовый порог абсолютной нищеты для стран Восточной Европы и СНГ, предложенный ПРООН. Правда, несмотря на столь "радостную" перспективу, к 2005 г. россиян станет меньше на 2 млн. человек. И это все при прогнозируемом росте рождаемости. Заметим в этой связи, что в нашей стране в отличие от центральноевропейских

стран, успешно преодолевших кризисный переходный период, среднедушевой денежный доход, равно как и индекс человеческого развития, и ранг страны по этому индексу в списке государств мира, до настоящего времени существенно ниже дореформенного уровня 1990 г., и, по нашему мнению, нельзя ожидать, что к 2005 г. эти показатели существенно улучшатся.

Уровень благосостояния населения, на наш взгляд, является не только показателем социально-экономического развития страны, но и важнейшим, хотя и косвенным, индикатором успешности функционирования политической системы, то есть качества демократии. Мы не беремся утверждать, что существует однозначная функциональная связь между уровнем благосостояния населения и развитием демократических и гражданских свобод в стране, хотя из данных таблицы 2 и статистики ООН следует, что более богатые страны являются более свободными. Известно также, что низкие душевые доходы отнюдь не являются препятствием для начала процесса развития демократии в стране. Хотя сегодня в бедных странах о реальном народовластии можно говорить лишь как о желаемом будущем.

Дело в том, что, в принципе, демократия - это единственный из известных человечеству политических режимов, при котором не только уважается открытая состязательность в борьбе за власть, но и признаются и обеспечиваются все человеческие права - гражданские, культурные, экономические, политические и социальные. Взаимосвязь экономической политики и эффективного функционирования демократических институтов власти проявляется в адекватном реагировании правительства и законодателей на сигналы, посылаемые электоратом на выборах. К сожалению, на протяжении последнего десятилетия в нашей стране выработка экономической стратегии и тактики проводилась в интересах отдельных клик и бизнес-сообщества в целом и без учета того, каково будет влияние принимаемых решений на благосостояние населения и какие меры и действия правительства избиратели готовы поддержать, а какие нет. Результатом такой политики является не только пауперизация (обнищание) основной массы населения, о которой говорилось выше, но и снижение индекса человеческого развития и численности населения страны в целом.

Нельзя утверждать, что существует причинная связь между уровнем неравенства по доходу и качеством демократии в стране. Например, несмотря на то, что в абсолютном выражении доходы россиян, как бедных, так и состоятельных, несравнимо ниже доходов американцев¹¹, модель распределения денежного дохода в Российской Федерации (по данным Госкомстата) стабилизировалась с середины 90-х годов и по пропорциям распределения дохода по 5-ти квинтилям (20-процентным группам) очень напоминает североамериканскую модель. Однако по развитости демократии Россия и США заметно разнятся.

В контексте проведенного сравнения нас сближает то, что и в США, и в России за последние десять лет богатые стали еще богаче, а бедных стало больше и они стали беднее¹². Так, между 1979 и 1997 гг. реальный ВВП на душу населения в США вырос на 38%, однако доход средней семьи - только на 9%. Большую часть прироста богатства страны присвоили себе очень богатые люди, поскольку доходы 1% богатейших фамилий выросли за этот период на 140%, то есть в три раза выше среднего. Если в 1979 г. доход 1% богатейших семей Америки превышал в 10 раз доход средней (медианной) семьи, то в 1997 - уже в 27 раз [4, р. 20] и этот разрыв еще более вырос к 2001 г. [14]. К сожалению, у нас нет статистических данных о темпах роста богатства наших нуворишей и величине разрыва в доходах между 1% богатейших "новых русских" и среднестатистическим россиянином, но мы полагаем, что в данном отношении мы не только не уступаем, а скорее всего превосходим американцев .

Бедные люди даже в богатых государствах, где они имеют более высокие доходы, чем в развивающихся странах, испытывают сильную депривацию, остро ощущают социальную несправедливость. Бедность и бесправие бедных перед полицейским произволом и коррумпированным чиновничеством - сестры. В подобной ситуации часто зарождаются искры гнева, ведущие к социальному взрыву в форме бунта или

революции. Бедные и малообразованные люди легко поддаются соблазну поддержать на выборах политиков, предлагающих простые и быстрые рецепты выхода из кризиса.

* * *

В посткоммунистических странах на протяжении последнего десятилетия процесс демократизации протекал параллельно с реставрацией капитализма, что не могло не сказаться как на его течении, так и на результатах. Выводы экспертов ООН являются лишь простой констатацией реального положения дел [4]. Это, на наш взгляд, прямое следствие избранного сценария экономической модернизации [19]. Выбор нелиберального курса реформирования России, основными элементами которого были "шоковая терапия" и "номенклатурная приватизация", был политически мотивирован.

Несомненно, что демократизация каждой страны имеет свои отличительные черты, обусловленные ее культурой, экономикой, геополитическим статусом и историей. Известно, что в ряде номинально демократических постсоветских стран демократизация идет крайне медленно. Уместно задуматься над вопросами, почему это произошло и кому это выгодно, каковы будут внутривнутриполитические и геополитические последствия незавершенности демократизации, в том числе и для России. Наверное, десять лет - это не очень большой срок для консолидации демократии и стабилизации новых режимов (здесь уместно напомнить, что одним из переводов слова "консолидация" на русский язык является "отвердение"). Теоретически, консолидация может происходить на любом полюсе оси "демократия-автократия". Консолидация автократии - это формирование законодательной базы и укрепление государственных институтов для предупреждения любых протестных акций и недопущения иных действий, направленных против режима (читай, государства). Этот процесс может протекать и в полудемократиях. В таком случае он может приобрести форму "анократии (апогасу)" или политики с причудливой смесью автократических и демократических черт [20]. Нам кажется, что нечто подобное происходит сейчас в России. И поэтому ответственность за происходящее в стране, наряду с руководителями исполнительной власти - наемными работниками, несут демократически избранные президент и парламент.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Согласно Хантингтону, "первая волна" демократизации - это период с Американской революции до распада империй в конце первой мировой войны; "вторая волна" связана с деколонизацией, начавшейся после окончания второй мировой. Каждая из этих волн сопровождалась как "приливами", так и "отливами" - развитием авторитаризма или тоталитаризма в различных формах. Тезис о затухании "третьей волны" оспаривается американским политологом Дж. Муравчиком, в частности, на основании данных последнего доклада Фридом Хаус, согласно которым число демократически избранных правительств увеличивается год от года и к настоящему времени достигло 121 из 192 независимых государств [2]. Нам представляются аргументы Муравчика малоубедительными. На необходимость ревизии понятия "третья волна" в связи с глобализацией, информационной революцией, различными формами, хронологией и ритмами демократизации в регионах мира и прежде всего коллапсом социалистического лагеря и увеличением числа авторитарных режимов в 90-х обращает внимание норвежский историк Дж. Сименсен [3].
- ² Вопрос о продолжительности, критериях и сценариях посткоммунистического транзита обсуждался многими экономистами, политологами, историками и социологами под различными углами зрения с начала 90-х [5].
- ³ Во всех вышеперечисленных опросах использовались идентичные или сопоставимые по формулировкам вопросы, направленные на измерение установок по отношению к демократии.
- ⁴ 1500 респондентов, 160 точек опроса, 40 субъектов федерации.

В африканских странах также был выявлен очень высокий уровень предпочтения демократии как системы властвования: в Ботсване - 82%, Гане - 76, Малави - 66, Намибии - 57, Нигерии - 81 и в Зимбабве - 71 [9].

В последнее десятилетие XX в. доля недовольных демократией в центрально- и восточноевропейских странах изменялась в зависимости от разного рода обстоятельств и внутри каждой страны варьировала в достаточно широком диапазоне значений (все нижеприведенные данные из [7]). В Польше - от 32% в 1991 г. до 38 в 1999 при средней за этот период, равной 32%; наименьшая доля, 19%, была зарегистрирована в 1997-98 гг., наибольшая, 57%, в 93-м. В Венгрии - от 39% в 91-м до 41 в 99-м при средней в 47%; минимум был отмечен в 1998 г. - 36, максимум - 64 в 1993 г. (первая половина). К сожалению, мы не имеем данных, чтобы рассмотреть здесь колебания аналогичного российского показателя.

Подтверждением служат высокие средние значения (от 84 до 73%) таких показателей, как, например, ощущение большей свободы в сфере религии; в участии в работе ассоциаций по интересам; большей личной свободы; слова или мысли; в участии/неучастии в политической деятельности.

Черта бедности, применяемая в национальной статистике США, видоизменяется с учетом изменений в индексах потребительских цен. В 2001 г. чертой бедности для семьи из 4 человек считался уровень годового дохода в 18 401 долл., 14 128 - для семьи из трех человек, 11 569 - для семейной бездетной пары и 9 039 долл. для одиночки [14].

⁹ По оценкам социологов, бедными и очень бедными являются примерно 60-66% населения, тогда как богатыми и состоятельными людьми могут считаться лишь около 5% (данные на начало XXI в. см. [16], на середину 1990-х - [17]).

Отчет о заседании правительства РФ в августе 2002 г. [18].

Возникает вопрос о том, стоит ли продолжать советскую традицию сравнения России с Америкой, если учесть, например, то, что богатейшие 10% населения США имеют доход равный доходу 43% беднейшего населения мира, или, иначе говоря, что доход 25 миллионов богатейших американцев эквивалентен доходу почти 2 миллиардов человек [4, р. 19].

¹² По данным федерального статистического бюро США, в стране в 2001 г. впервые за 8 лет увеличилось количество бедных. Согласно опубликованному 24 сентября 2002 г. статистическому отчету, количество американцев, живущих за чертой бедности, выросло до 32,9 млн. В 2000 г. это количество составляло 31,6 млн. Также на 2,2% снизился средний семейный доход до отметки в \$ 42,228 (Associated Press. 24-09-02).

Децильный коэффициент, измеряющий неравенство в доходах между 10% самых богатых и 10% самых бедных россиян в 1947 г. был равен 7,2, в 1955 - 4,5, в 1970-80-х - примерно 3,0. С середины 90-х годов и до настоящего времени значения этого показателя находятся в интервале 13,0-14,0, что несколько выше аналогичных американских величин и заметно выше значений этого коэффициента во многих западно- и восточноевропейских демократиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, OK., and London, 1991; *Vanhanen T.* A New Dataset for Measuring Democracy, 1810-1998 // *Journal of Peace Research.* 2002. 37 (2). P. 251-65.
2. *Muravchic J.* Democracy's Quiet Victory // *The New York Times/nytimes.com.* 2002. August 19, op-ed.
3. *Simensen J.* Democracy and Globalization: Nineteen Eighty-nine and the "Third Wave" // *Journal of World History.* 1999. 10.2. P. 341-411.
4. UNDP. Human Development Report 2002. Deepening democracy in a fragmented world. New York, Oxford. 2002.
5. См., например: UNDP. Human Development Report 2002; *Carothers T.* The End of the transition paradigm // *Journal of Democracy.* 2002. Vol., 13. No. 1. P. 5-21. Моя позиция изложена в: *Рукавишников В.* Посткоммунистическая модернизация в России // *Рукавишников В., Негел С.* (ред.) Соединяя капитализм, социализм и демократию. Практическая политика в России и США. М., 1999. С. 127-206; *Рукавишников В.* Посткоммунизм по-русски // *Мир России.* 2000. № 2. С. 109-151.
6. *Rose R.* A Diversing Europe // *Journal of Democracy.* 2001. Vol. 12. № 1. P. 93-121.

7. *Ullram P.A.* Political Culture in East-Central and Eastern Europe: 1990-2000 // Paper for the International Conference 'Ten Years of Freedom: Transition and Consolidation of Democracy in Central Europe', Budapest, 30 October - 1 November. 2000.
8. *Colton T.J., McFaul M.* Are Russian Undemocratic? // Carnegie Endowment Working Papers, 2001. № 20. June; Carnegie Endowment for International Peace, Russian Domestic Politics Project, Russian and Eurasian Program.
9. *Bratton M., Mattes R.* Africans Surprising Universalism // Journal of Democracy. 2001. Vol. 12. №1. P. 107-121.
10. *Brzezinski Z.* The Primacy of History and Culture // Journal of Democracy. 2001. Vol. 12. № 4. P. 20-26.
11. *Brown A.* From Democratization to "Guided Democracy" // Journal of Democracy. 2001. Vol. 12. №4.
12. *Brown A.* Evaluating Russia's Democratization // *A. Brown* (ed.) Contemporary Russian Politics: A Reader. Oxford, 2001. P. 546-68.
13. См., например: Новые Известия. 2002, 18 июля.
14. *Pear R.* Number of People Living in Poverty Increases in U.S // The New York Times/nytimes.com. 2002. September 25 [http://www.nytimes.com/2002/09/25/national/25POVE.html? todayshadlines-&p agewanted-print&position-top].
15. UNDP. Human Development Report 1997. New York. Oxford, 1997.
16. *Бондаренко Н.* Типология личного потребления российского населения // Мониторинг Общественного мнения. 2002. № 1 (57). С. 34-45.
17. *Руквишников В. и др.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998.
18. *Кузьмин В.* Жить будем лучше и чуть дольше // Независимая Газета. 2002. 15 августа.
19. *Rukavishnikov V.* Effects of post- communist modernization of Russia in a comparative perspective // *Nagel S.* (ed.) Handbook of Global Political Policy. New York, 2000. P. 377-402; *Руквишников В.* Посткоммунизм по-русски // Мир России. 2000. № 2. С. 109-151.
20. *Gurr T.R.* Persistence and Change in Political Systems, 1800-1971 // American Political Science Review, 1974. 68. December. P. 1500.